

THE ALL-UNITY PHILOSOPHY AS
THE METHODOLOGICAL BASE FOR
ANALYSIS OF THE MODERN CREATIVE
OUTLOOK

P. Starikov., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Siberian Federal University, Russia

This article is connected with the problem of creativity. It is proposed to consider creativity (its contemporary meaning) in the context of the all-unity philosophy. The research results demonstrate the complex structure of the modern creative outlook, the relation between inspiration experience and the concepts of positive all-unity.

Keywords: all-unity philosophy, outlook, inspiration, creativity.

Conference participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ФИЛОСОФИЯ ВСЕДИНСТВА КАК
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО
ТВОРЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Стариков П.А., канд. филос. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Россия

В статье обсуждается проблематика креативности. Предлагается рассматривать творчество (его современное понимание) в контексте философии всеединства. Результаты исследования показывают комплексную структуру творческого мировоззрения, связь опыта вдохновения с положениями положительного всеединства.

Ключевые слова: философия всеединства, мировоззрение, вдохновение, творчество.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1058>

Ускорение темпов перемен, становление информационного общества, трансформация и усложнение экономической, социальной, культурной сред обитания человека определяют проблематику креативности как одну из актуальнейших для общественных наук. Серьезную попытку определить новый «статус» креативности в контексте проблематики социального действия в последнее время предпринял Ханс Йоанс. Опираясь на концепцию прагматизма, он обосновывает необходимость объединения различных версий социального действия (М. Вебер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас) в рамках развиваемой им теории креативности действия [1]. Можно согласиться с автором в его оценке значимости проблематики креативности для понимания модернизации общества, с его критикой классической теории рационального действия, предполагающего автономного актора, максимизирующего свою прибыль. В то же время, практически устраняя из сферы своего анализа такие важные концепции, как философию всеединства, философию жизни, экзистенциализм, аналитическую психологию, эпистемологию Г. Бейтсона, опыт современных психо- и социотехнологий автор существенно ограничивает понимание феномена творчества его функциональной связью с целостностью, комплексностью среды, развитием сложных систем, равно как – добром, красотой, истиной и смыслом.

В последнее столетие углубленная

рефлексия над природой человека, общества, Вселенной в рамках различных психологических, социологических и философских концепций породила многообразие подходов к творчеству, методов лечения «неврозов креативности». Особенность этих подходов – практическое отождествление процессов пробуждения креативности в страдающем человеке и его исцеления, восстановления и развития целостности системы человек-универсум во всем многообразии взаимосвязей.

Так, создателю известного направления психодрамы Якобу Морено, креативность виделась как формирующая человеческую Самость «субстанция», отражающая креативный мировой процесс – причину и цель космического бытия. По мнению Морено, предпосылка нашего духовного кризиса, возможно, состоит в том, что веками формировались представления о «Боге в его обустроенной форме», при этом была упущена неисчерпаемая и непрекращающаяся креативность Создателя. Общечеловеческий процесс преодоления тотального отчуждения, которое «охватило» все человечество, есть феномен постепенного глобального пробуждения креативности [2].

Все большее распространение во всем мире получает арт-терапия – метод лечения человека и общества посредством художественного творчества. Несомненную привлекательность арт-терапии как метода психологической и социальной тера-

пии составляет то, что она использует «язык» визуальной и пластической экспрессии. Это делает ее незаменимым инструментом для исследования и гармонизации внутреннего мира человека. С развитием арт-терапии связываются надежды на создание такой синтетической методологии, которая в равной мере учитывала бы интеллект человека и его чувства, потребность в рефлексии и жажду действий, план телесный и духовный. Однако разнообразный опыт конструктивного, гармонизирующего воздействия на личность разных видов творческого самовыражения еще мало осмыслен в едином контексте психологических, культурологических, философских представлений.

Особое значение для понимания природы творчества имеют работы русских философов всеединства, космизма, пророчески предугадавших проблемы, актуальные для современной цивилизации. Основа их вдохновляющего поиска – идея социального христианства – спасение мира через социальное и культурное творчество, имеющее своей целью достоинство и свободу каждого человека, построение нравственного космоса, осуществление положительного всеединства.

Сегодня мы видим печальный опыт катастрофического нарастания проблем системного уровня, возникающих перед человечеством, который показывает, что со старыми стратегиями мышления, организационными паттернами принятия решений невозможно жить в новую эпоху, когда

сложность среды обитания человечества не только увеличилась количественно, но и трансформировалась качественно. Важная тенденция – актуализация значимости интегративных процессов для решения глобальных организационных проблем, вставших перед человечеством (и на уровне микрокосма человеческой личности, и на уровне социальных организаций). Традиционные способы принятия решений, основанные на механистической парадигме разделения сознания и материи, человека и мира, не в состоянии справиться с лавинообразным потоком информации, увеличивающейся комплексностью среды. Антитезой нарастающей деструктивности может стать формирование интегрального творческого мышления (задачу построения которого и ставили философы всеединства, их последователи), основанного на синтезе логики, интуиции и эмоций, сочетании рациональных и иррациональных способностей человека.

Каждый из этих типов мышления выполняет свою функцию, имеет свои сильные и слабые стороны. Неразвитость одного из типов мышления в силу доминирующего преобладания другого является дисфункцией, разрушает оптимальный баланс сил. Не случайно в аналитической психологии центральный момент процесса индивидуации – развитие и интеграция отдельных типов мышления в целостную, интегральную систему.

В то же время процесс интеграции не является механическим актом «сборки деталей», предполагает творческое рождение уникальной целостности – индивидуации. В свою очередь, индивидуация невозможна вне эволюции и трансформации смыслов, ценностей, отношений человека к себе, обществу, вселенной. Таким образом, интегративное развитие интуиции, логики, чувств необходимо сопрягается с процессом нравственного и духовного развития индивида и общества в целом. На уровне отдельной личности этот процесс определяется как развитие творческого начала, индивидуация; на уровне общества – формирование «новой этики» – этики творчества, нерепрессивной культуры, глубинной демократии. Как

считал Эрих Фромм, лекарством от человеческой деструктивности является восстановление способности к творчеству и любви.

Возможность такого интегративного процесса имеет свое основание в совокупности идей, определяющих онтологическое положение человека в универсуме. Анализ этих представлений (утверждение человеческого микрокосма сопричастного «миру» в целом) и составил предмет интересов русских философов всеединства, пророчески предугадавших проблемы, актуальные для развития современной духовной культуры, цивилизации. Согласно В.С. Соловьеву, именно «собираение», воссоединение и синтез как духовных ценностей всей мировой культуры, так и отдельных способностей человека составляют позитивно-созидательное начало человеческой истории. Возможность такого синтеза определяется совмещением интересов целого и части, индивидуальности и универсума, реализуется в историческом процессе построения нравственного космоса, осуществления положительного всеединства.

Сама идея положительного всеединства предстает как идеал совершенной организации, когда «единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех... истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [3, с.94]. Идея положительного всеединства имманентна, то есть внутренне присуща человеку, и воспринимается, согласно В.С. Соловьеву, как проявления Истины, Добра и Красоты. Чувствительность к этим ценностям связана с творческой интуицией, которая и вдохновляет человечество созидать новое качество жизни.

Мир незавершен и в силу этого несовершенен, поэтому у человечества нет иного пути, как через историю, через диалектику падений и взлетов его творческих усилий в духовной, социальной, материальной жизни. Через страдание происходит духовное очищение, творческий подъем духа. В человеческом творчестве же и проявляется божественная природа – положительное всеединство, выражается творческое существо Бога. Как писал

Н. Бердяев, творческий опыт есть нечто первичное, он – духовен в религиозном смысле слова. Творчество есть преодоление мира в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему. В творческом акте не устраивается «мир сей», а создается мир иной, подлинный космос. «Творчество по существу своему есть расковывание, разрывание цепей. В творческом экстазе побеждается тяжесть мира, сгорает грех и просвечивает иная, высшая природа» [4, с.146].

Анализируя взгляды Соловьева и других философов всеединства, необходимо отметить глубокие духовные корни русского национального религиозно-философского сознания, определяемого апофатичностью восточного православного богословия. Рационализм чужд внутреннему духу православия, которое поощряет позитивную ценность тайны и мифа. Апофатичность православия обусловила близость к мистической традиции, ценность холистского, недискурсивного подхода, что в свою очередь обусловило подход к человеку как микрокосму, в котором «раскрывается универсум», писал Н.А. Бердяев.

Универсумный подход к проблеме отношения человека и мира определяет в качестве наиболее важных иррациональные моменты переживания осмысленности бытия, переживание соучастия и единения своего индивидуального смысла со всеобщим, как преодолевающие ограниченность человеческого существования, как барьер, разделяющий философию бессмысленности – «метафизику ужаса» от этики принятия ценности жизни. Иррациональность этих вопросов заключается, прежде всего, в необходимости или, лучше сказать, психологической потребности иметь смысл жизни. Человек должен верить в какой-то смысл, пусть неясный и неоформившийся, иначе ему не сохранить душевного здоровья. В свою очередь, индивидуальный смысл включает смыслы других уровней бытия. Анализ мировосприятия человека необходимо должен включать все компоненты иерархической организации смыслов и, таким образом, представлять человека, находящегося

в прямом взаимодействии с универсумом, природным, социальным, космическим. Известный психотерапевт Р. Мэй, представитель экзистенциальной философии, основываясь на опыте многолетней практики, отмечает, что душевное здоровье человека зависит не только от наличия цели в его собственной жизни. «Не может быть островка смысла в океане бессмыслия, – пишет он, – для исцеления невротик должен научиться утверждать себя, общество и вселенную, эти три неразрывные стороны процесса жизнеутверждения» [5, с.127].

Позитивное отношение к миру тесно связано с вопросами веры (доверия), отражающими неполноту человеческого знания. Многие философы, анализируя взаимоотношение смысла и веры, указывают на принципиальную неразрешимость этого вопроса по причине непостижимости трансценденции. Так формулируется вопрос о вере в рамках традиции, заданной Кантом.

С другой стороны, вера в мистический опыт и мистическое откровение, всегда были частью духовной истории, сокровищницей культуры человечества. Можно предполагать в специфике мистического откровения начало универсумного взгляда человека, становление иррационального метода взаимодействия части и целого. Именно такой универсумный подход составил основу интересов русских философов всеединства. «В том ведь и особенность непосредственного знания мистика, – подчеркивал П.А. Флоренский, – что познающее лицо и познаваемая сущность в деятельности познания сочетаются в неслиянное и нераздельное двуединство» [6, с.89].

Смысл представления о связи бытия абсолюта и бытия человека в философии всеединства сводится к следующему. Реальная действительность и человек в ней представляют замкнутую, закрытую систему. Ей присущи неразрешимые противоречия. Но от их снятия, разрешения зависит смысл существования системы, благополучие организации. Если противоречия неразрешимы, неустранимы, система разрушается (разрушаются ее организация, способ устройства). В ко-

нечном итоге, благополучие, развитие системы становится возможным при установлении связи с более высоким надсистемным уровнем. Возникают сложные синтетические отношения части и целого, системы и надсистемы, рождающие новые системные свойства – вдохновение, озарение, чудо.

Представляет интерес соотношение понятий веры в философии всеединства и функции трансценденции бессознательного К. Юнга, на что указывал Б.К. Вышеславцев. Так, важным открытием современной психотерапии является практическое осознание значения трансценденции в качестве необходимого условия развития и исцеления. Чтобы изменить свое поведение, человек должен перейти на вышестоящий уровень - на уровне идентичности и духовности. У человека, страдающего неизлечимым недугом, нет какой-либо возможности осуществить требуемые ему перемены до тех пор, пока он не сумеет перенестись на более высокий духовный уровень, чтобы обрести смысл жизни и стремление жить.

Феномен трансценденции в философии всеединства тесно связан с такой важной характеристикой экзистенции современного человека как осознание своей субъектности, поиска субъективного, живого смысла, способного утверждать жизнь. Приверженцы всеединства, также как и аналитическая психология, апеллировали к мифологии при анализе метафилософских проблем. Прежде всего, им импонировала синкретичность мифа. Синкретизм был целью и принципом всеединства. С этой точки зрения, религия представлялась им только некоторым переходным процессом. Первоначальная слитность, нерасчлененность реального и сверхъестественного, бытия и смысла – вот идеал, к которому должно вернуться человечество, уже на другом уровне. Выдающийся представитель философии всеединства А.Ф. Лосев видел человека как личность, которая самоутверждается, проявляет свою энергию и самовыражается через миф. Самоосмысление личности в слове (имени), мифе порождает переживание чудесности или чуда, когда любые стороны

бытия рассматриваются (скорее, непосредственно видятся) в свете вечности. В момент переживания мифа (это состояние напоминает вдохновение, озарение или просветление в восточной духовной традиции), согласно А.Ф. Лосеву, вся жизнь предстает как бесконечный символ, как сложнейший миф, как поразительное чудо.

Представляется, несомненно, важной роль мифического, символического, мистического в измерении места сознания в космических процессах, во Вселенной, в обретении смысла и ощущения единства универсумного бытия. В качестве устойчивых информационных матриц (архетипов (К. Юнг), схем человеческого духа (П.А. Флоренский), смыслообразов культуры (Э.Я. Голосовкер)) универсальные и «вечные» мифические темы определяют первоосновы мироощущения личности и общества. Путем уподобления смыслообразы переживаются как моменты индивидуального жизненного опыта, говоря словами А.Ф. Лосева, как чрезвычайно ощутительное общение человеческого индивидуума с космической жизнью.

В то же время, мифологическое предстает только прообразом формирующегося универсумного мышления, что ясно понимали философы всеединства. Русские философы всеединства утверждали особые законы нравственного космоса, существование и развитие морального универсума (Божественной Софии – души человечества). Философия всеединства несла в себе глубокий гуманистический смысл, обосновывая единство Истины, Добра и Красоты в их направленности на более совершенное устройство Вселенной. «Прочное и нерушимое основание этого ценностно-этического движения (Добра) составляет Истина как цель научного поиска, неразрывно слитая с Красотой, с непосредственным переживанием таинственной и неуловимой связи универсума» [7, с.77].

Развивая представление о сущности и возможности духовной жизни, философы всеединства стремились выйти за рамки дихотомии сакральное-мирское. Именно «в общении с крылатым и вещим сам человек одухотворяется, и это одухотворение вы-

ражается в чудесном расширении его горизонта,» - пишет Е. Трубецкой [8, с.461]. Отрицательный результат попыток найти смысл жизни только на земле или только на небе привел к выводу о том, что смысл жизни следует искать там, где скрещиваются два основных направления жизненного стремления: вертикальное и горизонтальное. Отсюда становится понятен тот интерес, который в целом проявляли философы всеединства к концепции Бога-творца, положительной концепции бытия, которая преобразует хаос в космос и концепции человека, сопричастного делу всемирного творения.

В отличие от концепции рационализации, философы всеединства разрабатывали концепцию становления, творения культуры, глобальной триады настоящего и будущего Человек- Человечество- Человечность. Поэтому важным аспектом русской философии всеединства является развитие представлений о человеке, как взаимосвязанного с жизнью множества универсумов духовной и физической природы. Владимир Соловьев в своей работе «Три силы» выделяет три составляющие, которые управляют человеческим развитием: «бесчеловечного бога» - стремление к исключительному единству, «безбожного человека» - силу множественности отдельных единиц без всякой внутренней связи и третьей силы, «которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от исключительности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов» [8, с.43].

Представление о возможности их синтеза или «примирения» составило основной предмет изучения философии всеединства: анализ возможностей прогрессивного развития «положительного всеединства» взаимодействия части и целого, человека и космоса, являющейся условием становления духовно-нравственного космоса. В качестве ключевых положений, раскрывающих основное содержание этого процесса, можно выделить темы сотворчества и сопричастности человека и Бога (Н.А. Бердяев и С.Л. Франк), имма-

нентности воздаяния (саморазрушение зла в представлениях С.Л. Франка), относительность зла в представлениях П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.А.Бердяева, абсолютного добра как следствия развития межсубъектных взаимодействий по принципу взаимопроникновения и взаимодополнительности (Н.О. Лосский), Божественной Софии как организующейся совокупной души человечества (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский).

В представлении философов всеединства первым необходимым условием, обеспечивающим возможность положительного всеединства, является «органическое миропонимание», выражающее себя в древнем архетипическом мифе «связи всего со всем». «Мистика – первоначальная стихия, общая у человека с мировым бытием, стихия, в которой соединяется человеческая природа с первоосновами мироздания, прикасается к «древнему хаосу» – писал Н.А. Бердяев [10, с.10]. С.Н. Булгаков считал, что «правда оккультного мировоззрения, сближающая его с поэтическим восприятием природы вообще, состоит в настойчивом утверждении этой всеобщей одушевленности мира, которая исключает мертвую, бездушную, ничего не говорящую, безразличную, бескачественную материю» [11, с.201]. Близкие подходы развивали и другие философы всеединства.

В то же время, по мысли русских философов, только в Логосе преодолевается мистика субъективно-произвольная, оторванная от мирового смысла. Основа Логоса есть Смысл, который связан с идеей Высшего разума, единства истины, добра и красоты. «В Логосе, этой центральной религиозной и философской идее, таинственно соединяется природа моей личности с природой всемирной» [8, с.19].

Два этих представления (единство всего со всем и единство истины, добра и красоты) противостоят образу равнодушной, слепой, бесцельной Вселенной, дают ориентиры духовного и душевного развития человека. Обе линии сочетаются «в одно живое, нераздельное целое, в один животворящий крест, так что в поступатель-

ном движении жизни, в утверждении ее здешнего, земного плана чувствуется подъем в иной, высший план, а подъем в иной, верхний план ощущается как реальное, действенное событие именно оттого, что туда поднимается здешнее, земное: этим подъемом преодолевается непроходимая грань между различными планами – горным и земным» – писал Е.Н. Трубецкой [8, с.88].

Важным аспектом концепции всеединства является диалектическое понимание связи добра и зла, уход как от субстанционального определения зла, так и от симметрии относительности добра и зла. По мысли русских философов всеединства, добро абсолютно, а зло всегда относительно, добро – условие полноты, радости, гармонии жизни, зло – условие разрушения, распада и гибели. Отсюда конфликт философов всеединства с морально-аскетической религиозностью, стремление к утверждению опыта положительного единения с триединством Блага, Истины, Красоты, рождающих опыт полета, вдохновения, единения с универсумом. «Чисто моральный пафос - отрицателен, он не творческий, он отрицает зло в себе и в этом отрицании, воздержании от зла, видит добро, добра же положительного не творит... Для развитого и полного религиозного сознания Бог – не сила, а смысл, не власть, а любовь, не необходимость, а свобода,» – считал Н.А. Бердяев [10, с.34]. Для Н.О. Лосского зло происходит оттого, что люди нарушают заповеди любви к Богу и ближнему как самому себе, направленных на достижение полноты жизни для себя и других существ. Функциональные отношения положительного всеединства соответствуют заповедям Нового Завета «Прощайте, прощены будете», «Не судите, не судимы будете» как принципам метасистемной регуляции, определяя «фрактальную» симметричность отношений часть-целое, часть-часть.

В целом, проведенный нами анализ показывает структурную взаимообусловленность мировоззрения, сопряженного с концепцией положительного всеединства, позволяет разработать индикаторы для анализа

массового сознания, поставить задачу определения сопряженности выделенного нами смыслового комплекса представлений развитию творческого начала индивидуума, творческой направленности личности. Определяемый нами взаимосвязанный комплекс основных смыслов, отражающих положительное всеединство, включает в себя:

а) становление «органического миропонимания», выражающего себя в представлениях о существовании «связи всего со всем», определяющих в самом общем виде современные представления об универсальной сопричастности человека.

б) развитие веры в существование Высшего разума, отражающего идею Логоса, в результате чего преодолевается мистика субъективно-произвольная, проявляется единство истины, добра и красоты;

в) развитие диалектического понимания связи добра и зла, что проявляет себя в симметричном процессе признания «Я» и «Другого», «врага своего», отказе от поисков врагов, стремление к внутреннему совершенству;

г) развитие творческого начала, проявление опыта вдохновения.

Исследования в виде социологических опросов, проведенные нами в 2000, 2007, 2009, 2011, подтверждают наличие указанных взаимосвязей в структуре современных мировоззренческих представлений.

Результаты социологического опроса, проведенного среди студентов вузов г.Красноярска, жителей города Красноярска (выборки составили 600 и 700 респондентов, соответственно) позволили выделить среди достаточно хаотичного набора квазирелигиозных верований населения организованную структуру представлений, соответствующую смысловому комплексу положительного всеединства. Корреляционный, факторный анализ показали значимость выделенных нами представлений (о существовании «связи всего со всем», существовании Высшего разума в той или иной форме, значимости стремления к внутреннему совершенству) в их связи с развитием творческой направленности личности.

Результаты исследования, проведенного в 2007, 2009, 2010 г. среди студентов Сибирского Федерального Университета (в целом – 900 респондентов) детализировали структуру взаимосвязей творческой направленности, опыта вдохновения студенческой молодежи с комплексом представлений, соответствующих положительному всеединству [12].

В ходе исследования значимые взаимосвязи установлены между общим эмоциональным фоном жизни студентов и степенью выраженности опыта вдохновения. Наиболее сильная взаимосвязь обнаруживается с частотой переживаний «Ощущение легкости, парения» (коэффициент корреляции составляет 0,43), «Обостренное восприятие красоты мира, природы» (коэффициент корреляции 0,31), «Чувство близости ко всему, ощущение единства со всем миром» (коэффициент корреляции 0,3), «Чувство полного вовлечения, растворения в том, что Вы делаете» (0, 27). Найденные взаимосвязи показывают значение переживаний легкости, единства, гармонии, красоты, полного вовлечения в дело как особенно важных для актуализации опыта вдохновения. Наличие указанных переживаний, согласно анализу интеркорреляций, образует взаимосвязанный комплекс, соответствующий логике положительного всеединства. Особенно отметим, значение переживаний красоты и единства, что часто недооценивается в современной прагматично направленной образовательной системе. Достаточно выражена взаимосвязь опыта вдохновения с такими важными для личности переживаниями, как: «Глубокое чувство собственной значимости, ощущение одобрения Вас самих» (0,2), «Чувство своей потенциальности, наполненности идеями, планами» (0,2), «Ощущение сосредоточенности, совершенной ясности цели, полного контроля над ситуацией» (0,2).

Как показал корреляционный анализ, опыт вдохновения соответствует более глубокому, сущностному, радостному представлению о природе творчества, тесно связан с такими ассоциациями с творчеством как (в

скобках указаны коэффициенты корреляции): обилие энергии (0,32), глубинное ядро (0,31), целостность (0,31), тайна (0,41), добро (0,30), игра (0,31), свобода (0,21), саморазвитие (0,23).

Опыт вдохновения в творчестве студенческой молодежи оказался значимо связан с представлениями, выделенными нами в ходе анализа мировоззрения, соответствующего концепции положительного всеединства: вера в существование «незримой связи» между людьми, людьми и природой, всем миром (коэффициент корреляции 0,22), вера в существование Высшего разума в той или иной форме (0,2), вера в значимость совершенствования внутреннего мира человека (0,21). Семантический анализ образа Высшего разума среди студенческой молодежи с помощью шкал семантического дифференциала показал, что проявленность опыта вдохновения у студентов тесно взаимосвязана со следующими характеристиками этого образа, созвучными концепции философии всеединства: помогающий, прощающий, внимательный, близкий, освобождающий, светлый, легкий, понятный.

Необходимо отметить, что оценивая структурную целостность мировоззренческих, религиозных представлений, приходится иметь дело со сложными вопросами. Специфическая сложность, «многомерность» анализируемой темы отражена, например, Т. Парсонсом в определении религии, как человеческого феномена, объединяющего культурную, социальную и личностную системы в осмысленное целое. Попытки препарировать эту многомерность выявили многообразие подходов, взаимодополнительность различных точек зрения, развитых в рамках философии, социологии, психологии, религиоведения. В нашей работе определяется возможность и необходимость анализа современного мировоззрения в контексте роста значимости творчества, показано сопряжение опыта творчества, вдохновения и комплексной смысловой структуры представлений, развитой философией всеединства.

References:

1. Ioans, Khans Kreativnost' deistviya [Creativity of action], Khans Ioans. – St. Petersburg., Aleteia, 2005. – 320 p.
2. Leitits, G. Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama [Psychodrama: theory and practice. Classical psychodrama], Ya.L. Moreno, G. Leitits. – M.: Progress, 1994. – 352 p.
3. Rashkovskii, E.B. Sovremennoe miroznanie i filosofskaya traditsiya Rossii: o segodnyashnem prochtenii trudov Vl. Solov'eva [Modern world knowledge and the Russian philosophical tradition: about contemporary reading of Vl. Solovyov's works], Voprosy filosofii. [Philosophical issues] – 1997., No.6., pp. 92-105.
4. Berdyayev, N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-cognition (experience of philosophical autobiography)], N.A. Berdyayev. – Moscow., Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations], 1990. – 336 p.
5. Mei, R. Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [The art of psychological counseling] R. Mei. – Moscow., 1994. – 144 p.
6. Florenskii, P.A. Stolp i utverzhdenie istiny [Pillar and the statement of truth] P.A. Florenskii. – M.: Pravda, 1990. – 490 p.
7. Akulinin, V.N. Filosofiya

vseedinstva [Philosophy of all-unity]: Ot V.S. Solov'eva k P.A. Florenskomu., V.N. Akulinin. – Novosibirsk., Nauka [Science], Siberian Branch., 1990. – 158 p.

8. Trubetskoi, E.N. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], E.N. Trubetskoi. – Rostov-na-Donu., Feniks, 1998. – 512 p.

9. Solov'ev, V.S. Izbrannoe [Selected works], V.S. Solov'ev. – Moscow., Sovetskaya Rossiya [The Soviet Russia], 1990. – 270 p.

10. Berdyayev, N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost' [New religious consciousness and the public], N.A. Berdyayev. – Moscow., Kanon, 1995. – 464 p.

11. Bulgakov, S.N. Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya [Unfading light: contemplation and meditation], S.N. Bulgakov. – Moscow., Respublika [Republic], 1994. – 415p.

12. Starikov, P.A. Pikovye perezhivaniya v tvorchestve studencheskoi molodezhi: monografiya [Peak experiences in the creativity of student youth: monograph], P.A. Starikov. – Krasnoyarsk., filial NOU VPO «Sankt-Peterburgskii institute vnesheekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava» v g. Krasnoyarske [LEU VPO branch «St. Petersburg Institute of foreign economic relations, economics and law» in Krasnoyarsk], 2012. – 82p.

Литература:

1. Йоанс, Ханс Креативность действия., Ханс Йоанс. – СПб: Алетейя, 2005. – 320 с.

2. Лейтц, Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама., Я.Л. Морено., Г. Лейтц. – М., Прогресс, 1994. – 352 с.

3. Рашковский, Е.Б. Современное мировоззрение и философская традиция России: о сегодняшнем прочтении трудов Вл. Соловьева., Вопросы философии. – 1997, № 6., с. 92-105.

4. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии), Н.А. Бердяев. – М., Международные отношения, 1990. – 336 с.

5. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования., Р. Мэй. – М., 1994. – 144 с.

6. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины., П.А. Флоренский. – М., Правда, 1990. – 490 с.

7. Акулинин, В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому., В.Н. Акулинин. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние., 1990. – 158 с.

8. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения., Е.Н. Трубецкой. – Ростов-на-Дону., Феникс, 1998. – 512 с.

9. Соловьев, В.С. Избранное., В.С. Соловьев. – М., Советская Россия, 1990. – 270 с.

10. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность., Н.А. Бердяев. – М., Канон, 1995. – 464 с.

11. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения., С.Н. Булгаков. – М., Республика., 1994. – 415с.

12. Стариков, П.А. Пиковые переживания в творчестве студенческой молодежи: монография., П.А. Стариков. – Красноярск., филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2012. – 82с.

Information about author:

1. Pavel Starikov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; address: Russia, Krasnoyarsk city; e-mail: kriprikrit@rambler.ru

